

ВЕСТНИКИ ВРЕМЕН

Да не смущается сердце ваше;
веруйте в Бога и в Меня веруйте.
В доме Отца Моего обителей много.
А если бы не так, Я сказал бы вам:
«Я иду приготовить место вам».
И когда пойду и приготовлю вам место,
приду опять и возьму вас к Себе,
чтобы и вы были где Я.
А куда Я иду, вы знаете,
и путь знаете.

Евангелие от Иоанна, 14:1–4

НАЧАЛО

ЗДРАВСТВУЙТЕ, СЭР РЫЦАРЫ!

*Дорожная пыль под копытами вьется.
Мы вновь растаемся. Что нам остается?*

*В далекие земли, в пустынные страны
Снискать себе славу, нажить себе раны.*

*Уйдет наше войско в железных одеждах —
Кто в шелковом платье, кто в светлых надеждах.*

*Проехать героем по дикой пустыне,
Отбить у неверных Господни святыни.*

*А также и золото, если случится,
А после вернуться, напиться, забыться...*

*А хочешь, и с места не трогайся смело:
Война и в Европе нехитрое дело.*

*Не все ли равно, сарацину ль, французу
Ты ткнешь от безделья копьем своим в пузо.*

*И это неважно — земляк благородный
Прервет твои годы иль турок безродный.*

*И даже не надо за море тащиться,
Чтоб славно сразиться, забыться, напиться...*

*А лучше не мучиться вовсе надеждой
И в сене душистом без всякой одежды*

*Все время делить меж вином и лежанкой
С услужливой, ласковой, сладкой служанкой.*

*Но жизнь дворянина — большое уродство;
Всяк должен быть рыцарь, являть благородство.*

*Мечом — иногда — и всегда словесами
Быть в битве, любви и вообще образцами,*

*Хранить свою честь, чтоб не звали растяпой
Пред орденом, кланом, страной, Римским Папой...*

*И значит, в дорогу собраться придется.
Мы снова уходим. Что нам остается?*

— Дети мои, заклинаю именем Святой Троицы и преподобного Бенедикта, уймитесь! Вы на земле, принадлежащей Матери нашей Святой Церкви!
— Сейчас я его убью и сразу уйму!

Первый возглас принадлежал отцу Теобальду, аббату монастыря, носившего имя только что помянутой Святой Троицы. Ответил же стоявшему на пороге странноприимного дома сухопарому пожилому священнику некий встрепанный молодой человек со светлыми волосами до плеч, серо-голубыми глазами и раскрасневшейся физиономией.

— Брат Корнелий! — тоскливо воззвал аббат, мелко крестясь. Немедля из темного дверного проема выскочил здоровенный рыжий монах и, быстро поклонившись, изобразил на своем лице почтение и внимание. Получилось, к слову, не слишком удачно. На небритой роже брата Корнелия отпечатались следы такого множества смертных грехов, что даже для самой захудалой добродетели места не оставалось. Любый добрый католик, узрев этакого разбойника, поспешил бы обратиться в бегство. Черная бенедиктинская ряса и старательно выстриженная тонзура благочестия Корнелию вовсе не добавляли.

— Разними их! — со слезами на глазах приказал аббат, указывая дрожащей рукой на двор. — Корнелий, ты ведь раньше воевал в Святой Земле! И знаешь, как...

— Сделаю, — пробасил монах и вдруг осекся: — Э, отец настоятель, у них же мечи! Железные!

Бенедиктинец был абсолютно прав. На широком, вымощенном гладкими темными камнями дворе монастыря сошлись в поединке двое. По виду — благородные рыцари. Первый был высок, темноволос и смугл, носил светло-синюю, многократно штопанную тунику с вышитым на груди белым львом, поднявшимся на дыбы, и добрую, поблескивающую начищенным металлом кольчугу. Второй рыцарь являлся печально знаменитым на все графство Аржантан сэром Мишелем, баронетом де Фармер.

Разумеется, оба дворянина сжимали в руках узкие мечи-бастарды. Острия клинков были направлены на грудь противника. Рыцари выглядели основательно подвыпившими, отчего их движения казались несколько аляповатыми, будто у кукол-марионеток из театра бродячих лицедеев.

— Сударь, — Мишель де Фармер, тот самый дворянин, что столь невежливо ответил священнику, обратился ко второму поединщику, — вы, кажется, изволили назвать меня... меня... Слушай, Горациус, как ты меня обозвал?

— Злобным норманном, — старательно выговорил рыцарь с белым львом. — И еще как-то... Не помню. Зато ты, пьянчуга, сказал, будто я трус!

— Да? — озадачился сэр Мишель. — А почему?

— Прекратите! — Пожилой аббат, поддерживаемый ухмыляющимся братом Корнелиусом, снова возвел очи горе. — Судари мои, идите в дом и, помолясь, мирно вкушайте отдых!

Оба сударя, выдыхая винные пары, словно и не услышали речей священника. Им было не до того.

— Черномазый сарацин! — Сэр Мишель бросил в лицо противника первое вывернувшееся на язык оскорбление. — Еретик!

— Почему это я — еретик? — уязвился Горациус. — Это ты весь вечер орал, будто являешься потомком какого-то одноглазого языческого божка! Как его там?..

— Одина! — рывкнул сэр Мишель. Услышав подобные речи, аббат еще больше ослабел и повис на руках брата Корнелиуса. Любому христианину должно быть известно, что языческих богов никогда не существовало, а поклонение им карается духовным судом и отлучением от церкви.

— Нехристь! — выкрикнул сэр Горациус и, едва не споткнувшись об валявшийся на дворе камень, ринулся в атаку. Его меч с почти неслышным уху шипением рассек воздух над головой сэра Мишеля, но почему-то вонзился не в противника, а описал крутую дугу и высек искры из устлавших двор булыжников.

— Проманулся, — ядовито заметил сэр Мишель и некуртуазно рыгнул. — А вот тебе!..

Теперь клинок нормандца обрушился на Горациуса...

В трактатах знаменитейших мудрецов (как христиан, так и древних ромеев) стократно указывалась непреложная истина: «Безмерное питье вина не способствует остроте разума и точности движений». Что на своем примере и подтвердили два благородных сэра. Увы, но Горациус из Наварры и Мишель де Фармер из Нормандии, решившие задержаться в странноприимном доме монастыря Святой Троицы, потребляли вино со вчерашнего вечера и к рассвету опьянели столь значительно, что позабыли о запрете Церкви обнажать оружие на освященной земле.

Аббат вновь попытался напомнить об этом рыцарям.

— Кому Церковь не мать, тому Бог не отец! — с рыданиями в голосе провозгласил отец Теобальд. И вдруг настоятель, глядя на блистающие среди двора обители отточенные мечи, воспрял духом, вырвался из сильных волосатых лап брата Корнелия, воздел над головой два перста и...

— Пре-кра-тить! — Этот вопль священника совпал с несколькими звонкими ударами железом о железо. — Отлучу!

Это была серьезная угроза. Если ты живешь в последнем десятилетии XII века и знаешь, что Святая Церковь возвышается даже над императорами, королями и герцогами, направляя и указуя, ты, сколь бы ни был пьян, не станешь губить душу.

— Может быть, помиримся? — Горациус первым опустил меч. — И потом, я спать хочу...

— А я хочу отыграться! — воскликнул сэр Мишель. — Какой из меня рыцарь без лошади, доспеха и без денег?

— Знаю, какой! Ик... — пьяно кивнул Горациус из Наварры. — Странствующий!

И рек он истину. Сэр Мишель де Фармер, старший сын барона Александра де Фармер действительно был не просто рыцарем, но рыцарем странствующим. А если выражаться понятнее — бродячим искателем всяко разных чудесных приключений на свою голову.

Сэр Мишель ехал к папеньке.

Еще вчера вечером, остановившись на ночлег в бенедиктинской обители Святой Троицы, молодой рыцарь дал самому себе твердое и незыблемое слово: вина не пить, в кости не играть, в драки не вступать, а вовсе показать монахам самого себя благочестивым христианским паладином, каковой алчет лишь ночлега под крышей да малую толику хлеба насущного.

...Нельзя сказать, что папенька сэра Мишеля — уважаемый в округе барон Александр де Фармер — со слезами умиления ожидал прибытия в родовой замок старшего отпрыска. Да, разумеется, Мишель был любимым сыном барона, наследником и носителем славного имени Фармеров, обладателем дворянского герба и вассалом аржантанского графа. Однако монсеньор Александр де Фармер лишь тяжело вздыхал и бормотал молитвы при сообщении о том, что возлюбленное детище снова появилось у ворот маленького замка, выстроенного среди дремучих нормандских лесов. У всех дети как дети: занимаются хозяйством или идут на войну, к королю Ричарду, ну, или, на худой конец, женятся. А этот?

«За какие грехи Господь послал мне такого сына? — сокрушенно думал барон Александр. — Пьет, развратничает, шляется где ни попадя, дерется, а потом приходит и клянчит деньги!»

Да, господин барон с ошеломляющей точностью охарактеризовал образ жизни собственного сына. Мишель действительно любил вино, женщин, поединки и вольные странствия. И это несмотря на достаточно молодой возраст — Фармер-младший родился семнадцать лет назад, в 1172 году. Как раз тогда в королевстве Иерусалимском взшел на престол Балдуин IV, а сарацины пленили графа Раймунда Триполитского...

Для своего времени сэр Мишель был человеком особенным. Сами подумайте: как можно в просвещенном XII веке по Рождеству Христову изображать из себя странствующего паладина? Безусловно, легенды и куртуазные висы рассказчиков да менестрелей повествуют о благороднейших рыцарях, служащих Прекрасной Даме или Великим Королям, но когда это было? На дворе 1189 год, христианские венценосцы по воззванию Святейшего Папы Климента вновь идут в Палестину, мстить сарацинам за Иерусалим и Тивериадское поражение, государь Филипп Французский Август чтит высокое искусство литературы и стихосложения, возводятся прекрасные города и строгие храмы во имя Господа... Дикость, присущая варварским народам — готам, франкам и саксам, — безвозвратно ушла в прошлое. Равно как и сгинули дворяне, изыскивающие славу не под знаменами королей, а собственными силами!

...Жизнь свою Мишель де Фармер начал в родовом поместье отца, рыцаря, давшего вассальную присягу английскому монарху Генриху

Плантагенету. Матерью Мишеля была немка, благородная девица из Саксонии. С Юлианой Оттенхайм барона Фармера-старшего познакомил его друг, рыцарь из Южной Германии по имени Дитрих фон Оттенхайм. Они вместе сражались в Святой Земле против сарацинского шейха Нуреддина в войске графа Раймунда Триполитского. Затем участвовали в походе к Египту, султанату фатимидов, и в штурме Александрии. По возвращении из Святой Земли, где было совершено друзьями немало чудесных подвигов, коими стяжали они себе славу христианнейших и благочестивых рыцарей, Дитрих пригласил барона Александра к себе в Оттенхайм — отдохнуть, а заодно и представить любимой сестре. Фройлен Юлиана оказалась светловолосой, богобоязненной и скромной девицей, мечтающей лишь о Царствии Небесном (это в первую очередь) и о замужестве (во вторую).

Следует сказать, что многие воспоминания о пребывании в Святой Земле были не самыми светлыми. Хотелось за новыми впечатлениями избавиться от неприятного груза прошлого. Честь оставалась честью, добрая слава — доброй славой, однако в Палестине иногда происходили события, не соответствовавшие радужному представлению, сложившемуся в дворянских кругах Европы о доблестном воинстве Христовом. Великолепно, конечно, когда неверные сарацины трусливо бегут, лишь только сверкнет твой клинок, но если в кармане ни гроша, на дне фляги плещется тухлая вода, а в седельных сумках нет ничего, кроме засохшей хлебной корки, приходится поступиться некоторыми добродетелями. К тому же богатые сарацинские и еврейские дома все равно были бы разграблены... Если не тобой, то другим. Не следует также забывать, что рыцарь, сколь много благонаравия он бы в себе ни нес, всегда остается мужчиной...

Впрочем, восточные красавицы зачастую оставались довольны франкскими господами. Жаль только, их не хватало на всех.

...Случилось так, что барон Александр де Фармер и молодая Юлиана однажды пошли собирать маргаритки. Неизвестно, был ли найден хотя бы один такой красно-бордовый цветок, но зато расцвела роза любви, да не среди жестких камней Саксонии, но в душах сих молодых людей. Плод высоких чувств появился на свет спустя девять месяцев, у же в Нормандии.

Немедленно после прогулки сестры «за маргаритками» Дитрих понял — скоро его сестра станет женой лучшего друга, а также полноправной хозяйкой богатого баронства. Что может быть замечательнее?

Влюбленные обвенчались в маленькой церкви в поместье Оттенхайм, где обряд проводил старенький подслеповатый священник, беспрепятственно путавшийся в латинских песнопениях, чем очень смешил Юлиану, которая с трудом сдерживала совершенно не приличествующий данному месту и действию смех. Потом молодая чета отбыла из Германии в поместье Фармер. В Нормандию, королевство Английское.

Отец барона Александра к тому времени уже умер. Но, как это водится в старинных родах, на свет незамедлительно появился наследник, которому следовало передать титул, ленные права и все обязательства перед священной английской короной. Супруги окрестили своего

первенца Мишелем-Робером де Фармер в церкви поселка Сен-Рикье, что находился в полулиге от замка.

Прижилось имя «Мишель» без упоминания имени святого Робера, призванного быть вторым небесным покровителем ребенка.

Разумеется, у четы Фармеров были и другие дети. Вначале появилась на свет девочка, названная в честь королевы Англии Элеонорой, потом второй сын — Хьюго — и самый младший, Эдмунд. Последний ребенок с трудом выжил, переболев оспой. К величайшему горю господина барона, жена умерла в родах. Случилось это в 1182 году, семь лет назад.

По смерти матери, умевшей сдерживать буйный нрав Мишеля, унаследовавшего горячую немецкую и скандинавскую кровь, старшенький вовсе распустился. Он с трудом терпел своих братьев, уважая лишь сестру. Пользуясь тем, что отец вынужден был все свободное время заниматься делами и хозяйством своего обширного лена, Мишель приходил в замок только на ночь.

Фармер-младший с детства любил играть с деревенскими мальчишками — бойкими, смыслеными, легко соглашающимися на всяческие авантюры, в отличие от важных и нудных сынков знатных соседей, и даже организовал собственный «рыцарский» отряд, без всяких сомнений поставив себя во главе. Как-никак, благородный. Барон Александр, прослышав об этом, не стал возражать против игр своего сына с детьми арендаторов и свободных крестьян — пусть учится командовать войском, пригодится.

Все больше времени стал проводить Мишель со своим «отрядом», уходя на рассвете и являясь домой затемно. Чаще всего они играли в «крестовый поход», нередко оставались ночевать в лесу, совершали набеги на деревни, изображая нападение на сарацинские поселения, таскали кур и жарили их на костре в лесу.

Эти развеселые набеги продолжались в течение нескольких лет, несмотря на жалобы крестьян и следовавшие за этим порки как Мишеля, так и его «рыцарей». Конец веселью пришел в день, когда доблестный «коннетабль» был изловлен отцом Колумбаном и строго отчитан.

(Кто такой отец Колумбан? О, про него будет повествоваться ниже! Сейчас можно лишь сказать, что его в баронстве Фармер уважали не менее, но даже более монсеньера Александра. Отец Колумбан был святым отшельником. А кроме того, благообразный седовласый анахорет, принадлежавший к монашескому ордену святого Патрика, был своего рода покровителем баронского семейства, лекарем, учителем и толкователем Святого Писания.)

Старец вразумил молодого дворянина, презрительно оттягав Мишеля за ухо. После чего привел в свою землянку-хижину и раскрыл толстую книгу.

— Читать умеешь? — нахмутив седые брови, спросил отшельник одиннадцатилетнего Фармера. — Нет? Это плохо. Ты слышал о короле Артуре, сыне Утера Пендрагона?

— Да. — Мишель тряхнул белыми волосами, поклонившись старцу. — А что?

— Хочешь узнать его настоящую историю?

— Ну-у... Да, конечно! — непонимающе ответил баронский отпрыск.

— Смотри. — Отец Колумбан ткнул в обрисованную сложным орнаментом буквицу. — Это буква «А»... Повтори, балбес!

— А-а-а... — послушно протянул Мишель. — А я вовсе и не балбес!

В общем получилось так, что святой Колумбан — отшельник, страстотерпец и мученик (а почему он стал мучеником, будет понятно вскорости) — за несколько лет обучил буйного потомка семьи де Фармер письму, чтению на норманно-французском и латинском языках, а также благородной куртуазии и вежеству. Но старец невольно превратился в виновника дальнейших приключений сына барона Александра.

Отец Колумбан, пребывая не столько в мире материальном, сколько в духовном, не совсем точно представлял, что происходит за пределами своей землянки и огорода. Посему Мишель, целые дни проводивший в жилище святого, впитал весьма устаревшие понятия и старался подражать не куртуазным соседям-дворянам, но вошедшим в легенды Ланцелоту, Гавейну и Тристану. Между прочим, благодаря канцонам о сэре Ланцелоте, вычитанным в книгах отца Колумбана, Мишель и влил в несколько неприятных историй.

Говоря вульгарными, плебейскими словами, Мишель, достигнув возраста пятнадцати лет, заинтересовался любовными похождениями помянутого рыцаря Круглого Стола и решил проверить, действительно ли это настолько интересно и угодно для плоти.

Оказалось, что да. Последствием хождений Фармера-младшего по крестьянским сеновалам окрестных деревень явились несколько бастардов — незаконнорожденных детей дворянина и крестьянки. Некоторое время барон Александр терпел выходки любимого сына, но когда некая дева (ах, простите, уже дама...) из близлежащей деревни Антрен принесла в замок краснорожего и орущего благим матом ребенка...

Это была уже седьмая жалоба от дородных и привлекательных крестьянок. И каждой господин барон должен был заплатить виру.

Как раз в тот день Мишелю стукнуло шестнадцать полных лет. Замечательный подарок...

Барон Александр потребовал немедля прислать к нему сына. Настроение у владельца замка, кстати говоря, было не самое лучшее. По законам королевства, установленным Его величеством, королем Генрихом II, барон отдал обещанной девице целых пять фунтов серебром! Разорение! Нет, конечно, отец Мишеля понимал, что молодость есть молодость, да и саму девицу вовсе не брали силой, но... Хватит!

— Принимайся за ум, — с преувеличенной строгостью сказал барон де Фармер старшему сыну. — Женись, в конце концов!

— Не хочу, — честно ответил Мишель. — Я лучше уйду из дома. На какое-то время.

— Куда уйдешь? — всполошился отец. — А поместье? На кого я его оставляю? Я уже старик, мне целых сорок шесть лет!

— Все равно уйду, — угрюмо сказал наследник. — Вот, помню, сэра Лоэнгрин...

— Замолчи! — рявкнул барон. — Начитался дурацких книжек!.. А с отцом Колумбаном я буду сам говорить!..

Сколь долго папенька ни уговаривал Мишеля, неожиданно принятое решение тот изменять не собирался. Родительские занудства Мишелю изрядно надоели, все окрестности были знакомы донельзя, а вокруг молодого норманнского дворянина простирался такой большой и неизведанный мир...

Забрав дедову кольчугу, щит, два кинжала и полуторный норманнский меч, Мишель приказал конюху оседлать коня, а управителю замка — выдать пятьдесят цехинов на дорогу.

Барон Александр только плюнул, но в душе остался доволен. Хорошего сына вырастил.

Так Мишель де Фармер и покинул пределы баронства, отправившись путешествовать по Нормандии, Аквитании и Бретони.

Вскоре Мишель попал на самую настоящую войну.

Хотя Святейший Папа Римский и установил в Европе Божий Мир, в Нормандии и Аквитании дрались армии старого короля Генриха II и выступивших против него французов, возглавляемых Филиппом Августом и английским принцем Ричардом Львиное Сердце. Последний, подняв мятеж против отца, стремился захватить корону.

Случилось так, что Мишель — оруженосец, дравшийся вначале на стороне Ричарда, а когда надоело, перешедший на службу к старому королю, в дни этой войны и получил рыцарское посвящение. Причем обстоятельства церемонии были самыми трагичными. Впрочем, об этом будет рассказано позже.

Когда Ричард стал наконец полноправным монархом Англии, младший Фармер уехал в замок отца, некоторое время передохнул и вскоре снова покинул родовое поместье, надеясь присоединиться в Руане к Христовому воинству и отправиться с армией короля в Марсель, где собирались английские и французские крестоносцы. Однако дорожные обстоятельства как обычно ввергли его в очередную дурацкую авантюру. Приключение, сбившее норманна с истинного пути, и яйца выеденного не стоило — почудилось ему, видите ли, что некий сэр восхотел обидеть благородную даму. В действительности же выяснилось, что и дама, и рыцарь просто недавно поженились и обладали завидным темпераментом. Сэр Мишель ворвался с обнаженным мечом в их комнату на постоялом дворе, где пара остановилась на ночлег, превратно истолковав истощные женские вопли и грозный мужской рык. Рыцарь (здоровенный детина, подпиравший плечами потолок), коему нормандец испортил все удовольствие от общения с возлюбленной, в долгу не остался и так отходил ошеломленного своей ошибкой сэра Мишеля, что тот занедужил и провалялся в постели несколько недель.

Само собой, что покамест сэр Мишель отлеживался, а сопровождавший его слуга по имени Жак накладывал ему примочки на многочисленные синяки и ссадины, основная масса английских и нормандских рыцарей, не дожидаясь дутого защитника девичьей чести, уже отправилась на юг морем или сушей. При всем своем благочестии сэр